

An abstract painting featuring bold, expressive brushstrokes in various shades of blue and white. The upper portion is dominated by large, sweeping strokes of deep blue and turquoise, with white highlights and splatters. Below this, a white horizontal band contains the title and author's name. The lower portion of the painting shows a more detailed, textured landscape with green and yellow brushstrokes, suggesting a field or a body of water. The overall style is expressive and modern.

МЕСЯЦЕСЛОВ

Людмила Вязмитинова

Людмила Вязмитинова

МЕСЯЦЕСЛОВ

(книга стихов: избранное)

Москва
Стеклограф
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
В99

Вязмитинова Людмила
В99 Месяцеслов (книга стихов: избранное). —
М.: Стеклограф, 2017. — 68с.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

© Вязмитинова Л.Г., 2017

ISBN 978-5-9909781-7-1

ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА. СТИХИ НА МАНЖЕТАХ

Много лет я знал Людмилу Вязмитинову как литературного критика, филолога, летописца литературного процесса. И лично благодарен ей за то, что она имела смелость открыть и буквально с материнской заботой представить читающей публике много новых имен. Все эти годы она была сосредоточена на стоящей перед литературным критиком задаче, которая, на мой взгляд, сродни задаче переводчика: оба они должны как бы изобрести поэта, найти к нему некий ключ, интерпретировать его творчество, ввести его в культурный контекст.

Конечно, я знал, что Люда пишет стихи, и даже печатал их в журнале «Русского Гулливера», но с полным корпусом ее поэтических текстов столкнулся впервые. Что приходит на ум при чтении этих стихов? Прежде всего, соображения о множественности тактик поэтического творчества. Современный поэт, по мнению многих, должен иметь собственную тактику и стратегию письма, умело себя позиционировать, настаивая на каком-либо особом литературном приеме, или наоборот – хитро путая следы. При сравнительно высокой мастерovitости современных авторов поменять голос и манеру им не очень сложно. Техникoй письма все они владеют хорошо, и сбить с толку неискушенного читателя, или даже филолога, они могут без труда. Это серьезно усложняет анализ их текстов, потому что разделение на хорошее и плохое по-прежнему существует. В случае Вязмитиновой я скажу сразу, что это – хорошие стихи, но они написаны «на салфетках и манжетах».

Пригов, написав когда-то книгу прозы, обмолвился, что ещё неизвестно, за что тебя в конце концов полюбят люди. Никто не знает, что останется после него, а что уйдет в песок. Так, несчастный Экзюпери остался в нашем сознании с «Маленьким принцем», а вовсе не с «Цитаделью». Человек предполагает, а Господь располагает. «Сочтёмся в

вечности. Сыграем в карты / на всё, что накартавили, накаркали», – говорит Людмила Вязмитинова. Действительно, потом разберёмся.

Когда-то я говорил о концептуальных проектах, подчинённых одной теме, считая, что читательское внимание надо форсировать. Потом увлёкся поэтической стилистикой, решив, что обращать внимание нужно на новые формы письма. Теперь вот расслабился и пишу, как Бог на душу положит. А что? Это естественное состояние вещей. Читать интересно, только вот как эти тексты анализировать?

В предлагаемой читателю книге Людмилы Вязмитиновой собраны практически все написанные ею стихи, говорящие о возможности альтернативной биографии, иной судьбы. Хотя там и стоят строки «И если я в огне своём сгорю, / исчезну, в фейерверке звездопада / воскреснет голос мой: Благодарю! / Другой судьбы, другой любви – не надо!». И, может быть, эта лирика, близкая к откровению, перевешивает многие результаты интеллектуального труда. Она пронизана благодарностью к существованию и по интонации приближается к псалмам. Любовь, разлука, смерть, вечное возвращение. Мне нравится, что за всем этим проступает именно женский голос, призванный сохранить, а если это не удастся – оплакать. «И даже некому оплакать павших, / оплакать уходящих, шелестящих, / изломанных не по своей вине. // Как на войне – за что, никто не знает». Трагизм жизни как таковой Вязмитинова передает без пафоса и надрыва, со спокойным стоицизмом. Она напоминает, что всё в этой жизни имеет свой итог. И поначалу не так легко понять, в чём именно он заключается – «Склюнет времени птица этой жизни страницу... / Где у смерти граница? Где у жизни граница?».

Вадим Месяц
18.12.16
(Новодарьино)

ДВА РУСЛА ОДНОЙ ЭНЕРГИИ

Людмила Вязмитинова – профессиональный поэт и критик – в Литературном институте она занималась в семинаре поэзии Игоря Волгина и семинаре художественной критики Владимира Гусева. Но дело не в дипломе, а в умении создавать полноценные вещи с различными адресом и посылом. Критика бытует на стыке искусства и науки, активно прибегая к возможностям художественного произведения – субъективности, синтезу впечатлений, экспрессии лексики и синтаксиса и др. Получается, что одну и ту же художественную энергию Людмила интуитивно распределяет по двум руслам – критическому и поэтическому.

30 ноября 2016 года я провела творческий вечер Людмилы как поэта и критика в своём литературном клубе «Мир внутри слова» и была изумлена, увидев видео её поэтического выступления, снятое двадцать лет назад. Люда читает там свои стихи того времени, но создаётся впечатление, что они написаны сегодня – они очень современны. Уже тогда Людмила улавливала сигналы сегодняшней поэзии, её предпосылки.

Вязмитинова начала свой активный поэтический рост в начале девяностых. Выпустила книги стихов «Пространство роста» (1992) и «Монета» (1997). В 2001 году стала лауреатом II Филаретовского конкурса религиозной поэзии. А литературная критика пришла к ней в конце девяностых – с публикациями в журналах, перечень которых становился в нулевые и десятые всё шире – «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Новый мир», «Дружба народов», «Крещатик», «Урал», интернет-журналы «Топос» и «Литература», газета «НГ» (приложение «НГ-Ex Libris») и др. По следам выступлений на Радио России Вязмитинова выпустила сборник эссе о современной литературе «Tempus deliberandi. Время для размышлений» (1998, в соавторстве с Андреем Цукановым). В 2016 году в

издательстве «Классики XXI века» вышла книга её избранных статей «Тексты в периодике».

Поэзия Людмилы Вязмитиновой насыщена гармонией. Это очень взвешенные стихи. Слово, как золотая крупинка, взвешено в воздухе или на миниатюрных весах и бережно преподнесено читателю. Её стихи звучат открыто и чисто, создавая порой вещественные образы – например, колокола или колокольного звона.

Любовная линия Вязмитиновской лирики необычна. В ней нет нездоровой цикличности, нередко присущей этой теме. Лирическая героиня переходит от адресата к адресату, не накапливая удары, а возвращая внутри себя плод достойного адресата, ожидающего её. Поэтому её любовные стихотворения не похожи друг на друга, ибо не изображают одни и те же ситуации, а передают мудрость и рост женщины, становящейся всё сильнее и нежнее. Мне самой близка тема отпущения грехов в отпуске любимых, и я слышу её в стихах Люды. Её лирическая героиня не хочет владеть тем, что не принадлежит ей, обращаясь к Богу с просьбой оставить только принадлежащее ей:

Это всё царапин ожоги
на отвесном пути к подножью.
Если я имею чужое,
то возьми его, Господи Боже.

Христианское стихотворение Вязмитиновой «Когда меня распяли в первый раз...» неожиданно уводит нас в традицию женской поэзии Маши Калеко с её стихотворением «Известное чувство», лирической героине которого тоже свойственно «привыкание» к смерти с каждым умиранием.

Поэтическая речь Вязмитиновой внешне проста, но на самом деле она насыщена парадоксами («Ты бываешь ласковым редко / и почти не бываешь грубым.») и необычными образными рядами,

наполненными амбивалентностью звуковых и зрительных переживаний:

Этим вечером душным ты роняла игрушки
на пылающий чернью наряд свой вечерний.

Было все очень мило: колокольня звонила,
вслед молитвенной речи детский гробик
плыл в вечность.

В мире, где умеют отпустить, просить у Бога радости, растить себя и близких, – светло. Недаром на произведения Людмилы, их рождение в «предельных» состояниях обратил в своё время внимание Григорий Померанц.

Елена Зейферт,
член Союза писателей Москвы,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета,
доктор филологических наук

Григорий Померанц (из предисловия к книге «Пространство роста», М.: ВГФ им. А. С. Пушкина, 1992): «Эти строки не могли не родиться. На них печать напряжённого чувства, когда нет мысли о литературе, о традиции, о приемственности – только потребность высказаться. <...> Стихи рождались в тех особых состояниях, которые называются «предельными» или «пограничными» (то и другое – перевод с немецкого grenzsituation); можно назвать их и на английский лад – стрессовыми. В состоянии стресса рождается право на личную оценку бытия, рождаются собственная философская мысль и непридуманная метафора. Есть несколько стихотворений, которые я назвал бы философскими афоризмами. Они ничего не потеряли бы в прозе, да и сказаны почти прозой (Разумеется, ритмически дышащей. Но ритм – не монополия стиха, и верлибр порой не отличим от философского афоризма). Другие – по-моему, лучшие – стихи глубоко метафоричны, только метафора здесь и позволяет как-то высказать нечто, что составляет саму суть поэзии и о чем не хочется говорить в предисловии. Это то, ради чего надо читать стихи».

I

***

Как Вам спалось,
мой хороший знакомый,
в Вашей,
так часто ругаемой Вами,
и, все же, сдаётся мне,
Вами любимой постели?
Вам не слышался в гомоне звуков
в Вашем сознании голос мой?
Вам не привиделся в смене картин
перед внутренним зрением облик мой?
Может, Вы даже поморщились,
вспомнив взгляд мой, слова и поступки,
лёгкий налёт новорожденной лжи ощущая...
Как объяснить Вам,
– и стоит ли, право, пытаться,
что-то в естественном ходе событий меня –
что семена у меня прорастающей лжи
Вы кидаете Сами,
щедрой рукой, энергично, с открытой улыбкой?
Я ни о чём не прошу,
только
– видите? –
тает
время,
которое боги дают
– иногда –
для свершения чуда.

***

гусеница
куколка
бабочка
метаморфоза
легко видима
смотрю на тебя
осмысливаю твои слова и поступки
боюсь ошибиться

***

Снежных деревьев лица,
окон слепые блицы.
К небу совсем не стремится
вросший в фундамент дом.

В блёклой неба водице
низко плавают птицы.
Плавится луч денницы,
скупое даря теплом.

Мёрзлой поры страница
дымом жилищ клубится.
Все живое стремится
к пламени очагов.

В узких его границах
тело земли искрится.
Пепел летит и кружится,
серым письмом ложится
на пустоту снегов.

***

А где твоя нежность?
Вчерашней тучей
в лужах застыла льдом?
А губы шепчут:
так будет лучше,
лучше сейчас и потом.
Но это губы,
в сиюминутной,
ставшей привычной лжи,
а остов вечного белой грудой
в белом поле лежит.
И если ветер подует свежий,
у твоего порога
станет кружится призрак снежный,
мёртвый и хромоногий.

***

Я в ночь от тебя сбежала,
всю ночь по тебе тосковала,
с рассветом тебя искала,
весь день по тебе умирала,
а к вечеру умерла.

Как корни мшисты и сладки
у хрупкой жизненной кладки,
как кони на корни падки,
и полночь походкой шаткой
земные вершит дела:

кому – улыбнись и исчезни,
кому – ошибись и воскресни
на прежнем своём насесте,
и сходятся стрелки вместе
со звонким ударом – вон!

«То be», принц, и шпагу в ножны:
призраки ночи ложны.
Живём и призраки множим,
а таймер пульса под кожей
вложен в текущий сон.

***

вот и нет у тебя жены
есть зима и воздух горячий
из решётки резной стоячей
и рисунок кудрей парящий
по-над памятью говорящей
вот и нет у тебя жены
есть свобода от ближних давлений
кубометры пространств без волнений
мириады других измерений
и фигур для волеизъявлений
только нет у тебя жены

рах vobiscum – яну без ини
то не слёзы, то звёздный иней
серебрящий Господне имя
по-иному для ян – отныне
по-иному для инь – отныне

СИНЕ-ЗЕЛЁНОЕ

Это не те люди.
Это совсем не люди.
Все они бреют бороду
и голову моют шампунем.

Впрочем, не все это делают...

Все они в дождь выходят,
неся над собою зонтик,
и глупо ногами двигают.

Или еще глупее:
садутся в машины нелепые
и едут сквозь дождь шумящий,
пуская в него миазмы.

Впрочем, не все это делают...

Если бы можно было бы,
чтоб этих людей не было
на этой планете, замученной
толпами этих людей...

На этой планете правильной
дождик бы шел праведный,
реки к морям текли бы
без гидро и quadro забот,
море и небо синели бы,
не ведая, что синеют,
никто бы ложкой обеденной
не ковырял эту синь,
деревья налились бы силою,
сливая зелёное с синим,

забыв о визгливом голосе
железной убийцы – пилы...

И может, тогда проступило бы
сине-зелёной вязью
искомое имя Бога,
закрытое для людей.

***

глаза мутной лужей
болели ложью
жильё-быльё прорастало лажей
и множились смутные хищные «тоже»
заляпаны кляксами мутной жижи

кристалл аш два о
геометрии ломкой
опоры мягкой
трамплином в разум
кристалла линзой
ловите солнце
щедрое солнце пылает даром

***

Этим вечером душным ты роняла игрушки
на пылающий чернью наряд свой вечерний.

Было все очень мило: колокольня звонила,
вслед молитвенной речи детский гробик
плыл в вечность.

Знать, судьба не родиться – оправданье убийцы,
но пустотные речи на твои висли плечи.

И слепой стылый морок
рвал ресниц хрупкий полог,
и порхали амуры в безмятежной лазури.

И пустотную тканью в глубине мирозданья
непрожитое имя жгло лучами своими.

На морях-океанах, на далеких Буянах,
после миль искупленья
ждёт нас ткань заживленья.

Склюнет времени птица этой жизни страницу...
Где у смерти граница? Где у жизни граница?

***

вот и вся наша жизнь
непонятно какая
вот и вся наша жизнь
расписная-резная

потеряется взор
от неистовой пляски
непонятен узор
и меняются краски

то ли рай, то ли хлев
то ли храм, то ли бойня
лишь бы был вкусен хлеб
лишь бы не было больно

ни иметь, ни отнять
ни лететь, ни разбиться
и нельзя разгадать
как нельзя не родиться

тёмный лес, белый снег
серый дождь, синее море
не дожидаться вовек
нам ни счастья, ни горя

***

Это все попущенье Божье –
от зачатия до падения.
У тебя горячая кожа,
остальное – мое наваждение.

Это все бунтари на ветках
небеса славословят в трубы.
Ты бываешь ласковым редко
и почти не бываешь грубым.

Это все от корней истоки,
поднимаясь, питают крону.
Никогда ты не был жестоким,
только был всегда посторонним.

Это всё царапин ожоги
на отвесном пути к подножью.
Если я имею чужое,
то возьми его, Господи Боже.

II

***

Забывают, что руки – крылья,
открывая глаза, как блюдца.
Наяву полёты забыли,
а во сне о полёты бьются.

Тонкий слой одряхлевшей почвы,
обнимая, питает ноги.
Я летаю и днём, и ночью,
разбиваясь, подобно многим.

Тротуары, шрамы и годы –
все отчётливей, все бесстрастней.
Я дышу в любую погоду.
Задыхаюсь только по-разному.

***

То дождь,
то снег
в плену у поздней осени
сменяются над пустошью полей,
среди серого дая минуты просини...
Мне все равно.
Ни легче,
ни больней.
Я – чучело.
Набор тряпья случайный,
развешанный по доскам кое-как.
Безглазым взглядом серый день встречаю,
вливаясь ночью в общий влажный мрак.
Любое дуновение дня приемлю.
Теряет смысл понятие «протест»:
я крест свой не несу,
он вросший в землю,
я, в сущности, и есть тот самый крест.
Мир движется
– куда? –
со мною вместе.
Качает ветер рваное тряпьё.
На досках рук
– как куры на насесте –
крикливое расселось вороньё.

***

Я живу только летом,
когда солнце в глазницах.
Не забудьте об этом,
чтоб со мной не сродниться.
Ни случайно-невольню,
ни с расчётом резонным,
чтобы не было больно
Вам закрыть сезона.
Чтобы Вас не штормило,
и в порыве безбожном
всё, что не было / было,
не назвали Вы ложью.
Когда осень остудит
мира облик парадный,
меня просто не будет,
чтоб прийти и быть рядом.
Солнца диск не удержишь
ни всерьёз, ни играя.
Все меняют одежды,
я к зиме умираю.

***

Самый синий,
самый зелёный,
самый высокий и грозовой
перевал,
за который уходят наши души,
оставляя тело,
протянутое
к синему, зелёному, высокому и грозовому.

И песнь протяжную, пропетую над нами,
уже немymi повторим губами.
Зелёный свет над жёлтым встанет полем
и растворит остатки нашей боли.

А смерч, прошедший по горам и склонам,
опять смешает жёлтое с зелёным.
Очистит синь.
Всё будет, как бывало.
Лишь в радуге чуть ярче вспыхнет алый.

***

не оставить отметин
расслоятся следы
на далёком том свете
нет ни «я», нет ни «ты»

полоса нерожденья
электронный прибор
где умрёт наслажденье
становиться собой

сквозь эфир эстакада
гаснет низ, гаснет верх
немигающим взглядом
опустившихся век

на мишурной личине
сквозь пощёчину дня
отдыхают морщины
от «тебя» и «меня»

***

Я знаю:
слабость зимнего дня
– дождь и оттепель –
разрушает защиту из снега,
вызывает опасную наледь.
Я помню:
мне нельзя плакать –
некому вытереть мои слёзы.

***

Просись ужиться в стае псов,
коль нету выхода из псарни.
Задвинув душу на засов,
скули и лай, и вой,
часами
тверди себе
о том,
что ты...
ты пёс,
ты пёс,
ты очень хочешь...
и странный голос пустоты
не замечай во мраке ночи.

И если дождь не смоеет слизь,
и солнце не спалит покровы,
ступай во храм.
Сквозь лай –
молись
о том,
чтобы родиться снова.

***

Челюсти
день-ночь
измельчают жизнь,
а желудок-время
всасывает.
день
ночь
день
ночь
день
ночь
Хотя иногда
что-то остаётся
непереваренным.

***

Дм. Воденникову *

Вот все твердят: всё бред, всё сон, всё майя,
всё грех, всё глупость, всё игра, всё...

Мучение моё, моя игра, мой смех, мой танец...

Танцуют все
согласно партитуре,
предложенной и принятой...

Раз тверди нет,
пусть будет хоть твердыня,
но падают твердыни в ритме...

Гамлет
отчаянно застыл среди рваных ритмов
и смотрит вглубь зелёными глазами.

Ему кричат: Беги, чтоб не сломаться!
Беги по нотам рваной партитуры,
ведь хрупок ты...

И он бежит, танцуя,
и зелень глаз неслышно исчезает...

Пусть гибнут Гамлеты,
на них играть нельзя,
они владеют шпагой и кинжалом,
они не возвращаются из ссылки,
в которую уходят за ответом,
где жить где нежить...

Рвётся крик Пьеро...

Привет тебе, Пьеро голубоглазый!
Пускай уносит ветром Коломбину,
она вернется с ветром же
и спляшет,
и засмеётся, разметав шелка и шпильки,
и слова, и бездны смыслов
над сотней тысяч братьев и Офелий.

Беги, Пьеро, танцуй,
беги над бездной с деревянной шпагой
да поцелуй скорее Коломбину.

Беги, Пьеро, танцуй.

* Стихотворение было написано для сборника, посвящённого Дмитрию Воденникову – «Подарок ко дню рождения» (М.: 1997), который был выпущен ко дню его рождения (22 декабря) и вручён ему в качестве подарка. Сборник содержал стихотворения 14-ти авторов, посвящённые имениннику – написанные ранее или специально для этого издания, вышедшего тиражом 50 нумерованных экземпляров. Выдвинул идею сборника и осуществил её – Данила Давыдов, соответственно в выходных данных было указано: «Книгу подготовил к печати Данила Давыдов. Издание осуществлено на народные деньги».

***

Мы все –
одну кашу
событий
варим,
едим,
ты, я, он, каждый
в этом глупо едины.
Тобой, мной, им, каждым
каши крупинки лелеются.
На всех –
одна каша
– ешь – не хочу –
имеется.
Сытый, голодный – неважно.
До заворота кишок.
Ты, я, он, каждый.
Остановите волшебный горшок!

***

если тебя загнали в угол
измени угол зрения
геометрический узор
возможностей пространства
пространства возможностей
меняется
в плоскости зрения
с точки зрения

***

монах-распутник
глазницы неба
клубами дыма
зовут к распятью
оргазмы оргий
скользнули мимо
нам мало дыма
нам надо стать им

пригожий отрок
красна девица
Ему – виднее
а нам – больнее

в глазницах неба
опять клубится
пронзая спицей
на колеснице
кудрявый Эрос
кривая кукла

сомкни ресницы

сквозь колесницу

пустыня снега
Нуль Абсолютный
нагое тело
телесный Гамлет
жить или нежить
тень Абсолюта
нагое Я

III

***

Я полечу над континентами,
в том небе синем, в том, которое
равно над всеми континентами,
равно над безднами морскими.

Оплаченные суммой денежной,
на несколько часов томительных
мне будут честно предоставлены
и стол, и дом в крылатой капсуле,
по траектории пологой
в пространстве-царстве-бездне воздуха
стремящей утлое пространство –
частичку царствия наземного.

Укоренив в пространстве кресельном
себя в своих одеждах кожаных,
я буду честно доставляема
в наземный пункт, судьбой назначенный.

И будет думаться и сниться,
как полечу над континентами,
равно над безднами морскими
в пространстве-царстве-бездне воздуха
когда-нибудь, но неизбежно,
оставив в царствии наземном,
о том нисколько не жалеючи,
свои одежды плотно-кожные,

влекомая нездешней силою
по траектории неведанной,
всей жизнью, как смогла, оплаченной
в наземный пункт, Судьей назначенный.

***

Плавают гуси да лебеди
в озере иноземном.
Лебеди – вроде как лебеди,
а гуси – с чёрными клювами.

Духи витают над озером.
Чуешь? – они – иноземные.
Виснут над ряской зелёной...
ряской? – вроде бы ряской.

Солнце ли, месяц ли ясный
светит над рябью озёрной,
в дар ей – дорожка блестящая.
Кто по ней ходит, плескучей?

Что там за дерево дивное
в воду склонилось? не ива ли?
Помнятся ивы плакучие
по-над водою играющей.

Как Божий мир удивителен,
как он един, хотя разнится
в частных своих проявлениях,
в частых своих повторениях.

Ветер гуляет над озером,
ветви качает склонённые,
гонит, могучий, небесные
тучи над всем Божьим миром.

Солнце сквозь тучи бегущие
плавится ласковым кругом...
Свет ты мой, солнышко ясное,
круглое в небе повсюду.

***

Трудно верится, что не снится.
Из столичной жизни привычной
занесло меня в эту провинцию
иноземную, очень отличную.

Это вам не огонь да полымя,
да по самое в помидорах.
Святой Боже, прости и помилуй мя
на безмерных Твоих просторах.

Святой Крепкий, тебе поклониться
прихожу я на кромку суши,
где солёная плещет водица
не под ноги – в глаза и уши,

письменами – в пене клубится,
в бликах солнечных золотится,
столь отличными – от кириллицы,
столь отличными – от латиницы.

Помяни мя, Святой Бессмертный,
в заповедной Твоей столице,
там, откуда нам солнце светит
в отведённую нам провинцию.

В ней везде мы лишь только около,
хоть везде по-разному больно.
И гудит необъятный колокол
на неведомой колокольне.

Здесь, на кромке, он словно ближе.
Шаг вперед – вот и всё, что нужно.
Но лишь ветер по бликам движет
аки по суху тело воздушное.

***

КОЛОКОЛА в чертогах голубиных,
КОЛОКОЛА в немеряных глубинах,
КОЛОКОЛА – за той чертою глуби
небесною, которую голубим
невидящим, но сторожащим оком.

КОЛОКОЛА – вне близко, вне далёко,
вне я, вне ты, вне меры окоёма,
вне меры мер и смысла, и объёма
объёмный звук вне логики событий...

и рвутся нити, нити, нити, нити...
оплётка плеч и панцирь рёбер косный...

КОЛОКОЛА – вне рано и вне поздно,
вплетаясь в мысль на грани сна и речи...

ещё не луч
ещё не лёт
ещё предтеча

***

разменяли на небо и землю
оказалась разменной монета
и цивилиной трясем бородёнкой
над загадочной книгой И-цзин

и мигаем – орёл или решка
и играем – отец или цифра
и меняем – жена возле мужа
или муж на орбите жены

Я по кольцам скользит или-или
Я мечтает хотя бы о крыльях
чтоб в погоне за памятью смерти
воспарить между твердью и твердью

и рисуем – у ангелов – крылья
и рисуем – у демонов – крылья

что ж там было – не помню – забыли
или я – или что – кры-ли-я?

крыша – вверх – крыша – вниз
белый свет
в алых бликах вращения ока
по-над частым миганием век

век мигающий
век смывающий
век сшивающий
белый свет

***

И даже некому оплакать павших,
оплакать уходящих, шелестящих,
изломанных не по своей вине.

Как на войне – за что, никто не знает.

И только звон неслышный улетает,
которого никто не замечает.

Лишь туча торопливая роняет
крупинки влаги стынувшей земле.

***

Когда меня распяли в первый раз,
я плакал,
я кричал,
мне было больно.
Но я воскрес
и
– мне казалось –
понял,
в чём суть вины моей,
за что я так наказан.
Когда меня распяли во второй,
я молча ждал,
я знал,
что я воскресну.
И улыбнулся сказке христианства,
и понял,
из чего она возникла
и для чего.
Когда меня распяли в третий раз,
то боль ушла,
и – наконец – я понял:
да просто я рождён, чтоб быть распятым.
И я распят
меж небом и землею,
и рук моих размах –
плюс-минус бесконечность,
внутри меня роится муравейник
из душ людских,
гремит прибой событий,
и столб спиной обвит двойной спиралью,
в которой пульсом обитает время...

Я ЕСТЬ
Я БОГ
Я ДУХ
Я ЧЕЛОВЕК

***

Чашечку чая?
Улыбнитесь...
Нет, это не борода Бога,
это дым из трубы промышленного предприятия.

Плывет аромат чая.
Стучит сердце.
Стучит компрессор за стеной соседнего здания.

Улыбнитесь...

***

зона зноя плавилась острым
остриём ожидали рёбра
остриё окружало горло
Зевс
Озирис
Нептун
Невидимый
жаждой жара дышали рёбра

колдовало бритвенно-алое
колебалось итогово-чёрное
пой
дыхание
пей
дыхание
капли ливня лови
дыхание
сквозь традиции
тризны царственной
на дрожащие жабры
алые
тридесятого царства вести

***

Я туда плыл-был, я сюда плыл-был.
Что-то было со мной, но я всё забыл.

Руки-ноги есть и на что присесть –
значит, будем пить, значит будем есть.

Пусть не грудь в крестах – голова в кустах,
и опять скрипит песня на устах.

Обрываю нить, чтобы дальше жить,
чтобы снова плыть, чтобы снова быть.

***

Сочтёмся в вечности. Сыграем в карты
на всё, что накартавили, накаркали.

А карты вечные, быстротекучие
мелькают вечером сквозь пальцы тучные.

Где наковеркали, вспухают болью.
По нашей вере нам играют в нолики.

То по отдельности, то по совместности
играем в крестики земных конечностей.

По поперечности земной провинции
встань огуречиком, зерном для птицы.

Хвостом себе шурши, коль хвост от роду дан.
Есть вертикаль души, и кожи есть кафтан.

Распашка вечности, изнанка костная...
Истёкши речью, мы уходим к звёздам.

***

Склоняюсь в благодарности судьбе –
неслышный ток ее ласкает Землю.
Мой каждый шаг по жизни был – к Тебе,
и я её, беспутную, приемлю.

И если я в огне своём сгорю,
исчезну, в фейерверке звездопада
воскреснет голос мой: Благодарю!
Другой судьбы, другой любви – не надо!

IV

***

галактический код – колодец
роду-племени – плазма племса
зело обло премногоголово
облака ему малых сих

в поле семени
волки серые
лужи ливня лет
вихрей донный след
точки верха нет
Вишну ставший смех

седоусые
седовласые
много ль видели вы
в линзе
данной вам?

только звяк-позвяк – ложный звук цепей
только дон-динь-дон – колокольный звон
только гул – распад тверди неба над
под твердыней лба рода-племени

***

Гремел огромный барабан
о дне свершений.
Прекрасен был его обман
и совершенен.

И шли к нему, за рядом ряд,
сквозь тучи пыли.
И насыщались все подряд,
и уходили.

Был судный день наоборот –
парад желаний.
И я упорно лез вперёд –
меня держали.

И мне кричали: «Погоди!»
Из опасенья.
«Сначала строим походи,
побудь со всеми».

И мне шептали: «Не спеши!
Тебе же лучше.
Сдержи незрелый крик души,
себя не мучай!»...

Ушёл на запад пыльный день,
а я – со всеми.
Несла толпы огромной тень
суть опасений.

Слизала ночь со влажных щёк
след неудачи.
Мне посчастливится ещё...
А как иначе?

***

Мама не мыла раму,
мама купила собаку.

Большую такую собаку
с ласковыми глазами.

Мама, зачем у собаки
такие большие зубы?

Мама, из глаз у собаки
плещет жаркое пламя.

Мама, язык у собаки
жаркий, шершавый, влажный.

И я растворяюсь, мама,
в жарком, давящем, влажном.

Мама, ни верха, ни низа,
мама, ни вправо, ни влево.

Но я продвигаюсь, мама,
в жарком, давящем, влажном.

Прощай, дорогая мама,
или, быть может, здравствуй!

***

Небесный свод из камня –
так думали наши предки.
Мы знаем: свода нет,
есть атмосфера,
и мы давно обжили её
и вышли за пределы.
А глаза всё равно видят:
небесно-голубой свод,
а по нему движется
слепящий диск.
Глаза видят:
именно диск,
и именно диск движется по своду.

***

У деревьев – ветви,
у деревьев – корни,
они хотят прочно стоять,
углубив в почву корни
и раскинув в воздухе ветви.
У ветра – движение,
его нет вне движения,
и он пытается
вовлечь в него всё,
к чему прикасается,
равнодушно,
но неотступно.
Если хватает силы корням,
и нет гнили в сердцевине ствола,
ветки указывают
силу и направление ветра.

***

Разве что-нибудь было иначе
в наслоеньи эпох и событий?
Будто кто-то невидимый плачет,
глядя времени долгие нити...
Разве что-нибудь было иное
зашифровано в солнечном свете,
в сфере сплюснутой шара земного,
в жажде жизни на этой планете?
Разве небо, вращаясь по кругу,
не едино в едином движеньи?
И тяну пятипалую руку
вверх,
в извечной тоске постиженья.

МЕСЯЦЕСЛОВ

Дай, Господи, нам радость в сентябре,
в славянский Новый год,
когда листва, слегка уже пожухлая,
ещё стремится свой лепет по горам и долам,
чтоб откровенно жухнуть в октябре.
Дай, Господи, нам радость в октябре,
под меркнувшим и уходящим небом,
закрытым влажной хмарью в ноябре.
Дай, Господи, нам радость в ноябре –
не видно звёзд на небе в ноябре,
лишь ветер рвёт остатки листьев мёртвых.
Дай, Господи, нам радость жить зимой –
она сжигает жизнь морозом лютым,
смеясь над нею в оттепель,
и смотрит огромными холодными глазами
на праздник изменения числа
в обозначении круга годового,
под этим небом дважды –
в старый Новый и новый Новый годы.
Дай, Господи, нам радость в декабре.
Дай, Господи, нам радость в январе.
Дай, Господи, нам радость в феврале –
последнем из двенадцати фрагментов
извечного круженья Зодиака,
в котором первый – мощный, полноводный,
могильщик-обновитель мудрый март.
Дай, Господи, нам радость в марте мудром –
так тяжело видеть кроткие останки
того, что не вступило в новый круг.
Затянет все апрель зелёной пленкой,
по зелени рисуя акварели.
Дай, Господи, нам радость в акварельном
надгробии над тем, что прежде жило,
чтобы стремиться быть и продолжаться

в цветущем мае, в зреющем июне,
в июле ягодном, столь щедро одарённом
теплом и светом,
что тускнеет память о будущем и прошлом –
неярком и нещедром свете Солнца.
Разбудит память милосердный август
чуть меньшим блеском синевы и света
и в милосердии своём осыплет землю
плодами изобильными, как манна –
для продолжения, для круга,
для круженья.
Дай, Господи, нам истинную радость
среди изобилия плодов, землей рождённых.

Ты, Господи, дал силы мне идти.
Я даже не хромаю.
Круг за кругом.
Минуты капают, так плотно наполняя
артерии и вены,
плотно так,
что им не сдобровать:
известно ведь, и камень капля точит.
Так что же делать –
умереть, уснуть,
стать каменным как будто бытием
и видеть сны, быть может?
Как будто бы кружение не сон,
не боль, не смертное томленье
сошедшего с бессмертного ума!

Дай, Господи, нам радость каждый день,
минуту каждую дай радость прозревать,
что выше Ты кругов и их кружений,
прекрасных столь –
в движеньи звёзд небесных
и тяжких столь – в своих земных сосудах.

Минуту каждую дай радость прозревать,
что сопричастны мы Твоей великой тайне –
как дети Божии, как твари на земле,
покорные круженью Зодиака.

На свете счастья нет,
но есть нетварный свет
над тварями
и звёзды Зодиака.

***

Я люблю тебя через тлен и прах,
я люблю тебя на семи холмах,
я люблю тебя через боль и страх,
через слово «друг», через слово «враг»,
через слово «жизнь», через слово «смерть»,
через лай и визг и глагол «не смей»,
пусть закон для всех, и диктует плеть,
и в зенит вдвоём не дано лететь.

Через тлен и прах, через боль и страх
я люблю тебя на семи ветрах,
и не видно слёз на моих глазах,
лишь огнём горит солнце в небесах.

***

плечо в ночи
сгущенье плоти
плати потом
слюной и потом

дыханье густо
и воздух плотен
дрожит зародыш
сквозь поры плоти

и плавный вырыв
завёздный сгусток

теснее плечи
плотнее плечи

из точки каждой
объём Единый

и ниже крыши
и чётче краски
и легче быть Я
и легче есть Ты

и осиянно дыханье плоти
и не обманно обратно в поры

целую точки плечей объёма
целебной ночью
в объёме дома

***

В Майами ничего не происходит.
В Майами ветер ласковый и тёплый постоянно.
В Майами солнечно почти что постоянно.
Не будем придираться к мелочам:
в сезон дождей там очень часто светит солнце.

Вы приезжайте к нам сюда – в Майами.
Мы посидим над тёплым океаном,
под пальмами, целующими ветер.
Поговорим с царь-рыбой.
Здесь, в Майами,
она зовётся по-другому.

Здесь, в тёплых водах,
Посейдон живёт в глубинах –
в холодной изумрудной глубине.
Лишь иногда сюда доносят волны
чуть слышный рокот голоса его.

Мы не пойдем пока по тёплым волнам.
Дорога вод – ещё не наша мера.
И ветер тёплый шепчет в уши: Тише!

Но солнце шлёт лучи свои:
Осанна!

Но пена волн волнуется:
Осанна!

И сердце шлёт ответ:
Осанна!

Вы приезжайте к нам сюда – в Майами.

СТИХИ НАГОГО "Я"

Людмилу Вязмитинову отличает бесконечное любопытство к миру и к людям. Отсюда и всеохватность её лирики – от микроскопических клеток до Вселенной. Но не масштаб, кажется, интересует автора этой книги, а, скорее, подчинение всего живого некоей изначальной Истине, гармоничное существование согласно её единственно правильному ритму.

Искажение этого ритма в мире, окружающем автора, видно сразу – в стихах появляется слово «ложь» («лёгкий налёт новорождённой лжи ощущая...», «семена у меня прорастающей лжи / Вы кидаете сами», «Но это губы, / в сиюминутной, / ставшей привычной лжи»). Ложь – верная примета нашей общей повседневности, нереальное и болезненное допущение, которое, тем не менее, является одним из основных признаков *реальности*.

Жить в мире, наполненном ложью и другими «приметами времени», и каким-то образом знать о существовании идеального мира – всё это ведёт автора к тому, что он ощущает искажения высшего ритма буквально физически. В стихах этой книги много *боли* («Зелёный свет над жёлтым встанет полем / и растворит остатки нашей боли», «Мне всё равно. / Ни легче, / ни больней. / Я – чучело», «Когда меня распяли в первый раз, / я плакал, / я кричал, / мне было больно», «лишь бы был кусен хлеб / лишь бы не было больно»).

Но: «я люблю тебя через боль и страх».

Для Людмилы Вязмитиновой боль – это лишь необходимая, земная ступень на пути к высшему Я. Боль нужна – «для продолжения, для круга, для круженья».

Но и на земле можно найти отблески Абсолюта. *Сине-зелёные*: «Самый синий, / самый зелёный, / самый высокий и грозовой / перевал, / за который уходят наши души», «И может тогда проступило бы /

сине-зелёной вязью / искомое имя Бога, / закрытое для людей». Природа, её земная и вместе с тем космическая тайна занимают одно из главных мест в мире автора.

В поисках Абсолюта на письме Людмила Вязмитинова интуитивно следует за родившимся чувством, расставляя слова в единственно ей нужном порядке. Из-за этого многие стихотворения с виду кажутся «неправильными», «рваными» и т.д. Всё так и есть – перед нами свидетельство чего-то *внеразумного*, но – *убедительного*. Разве не этого мы ждём от стихов?

Внеразумного – потому что автор, ведомый самым детским и одновременно самым мудрым порывом – любопытством, не защищается от необъятного чувства. Он, как замороженный исследователь, ставит себя на второе место и позволяет миру говорить.

Только отказавшись от себя как сверхценности, трепеща перед бесконечной тайной Вселенной, можно написать стихи, созвучные всем на земле. Стихи нагого Я:

*Я люблю тебя через тлен и прах,
я люблю тебя на семи холмах,
я люблю тебя через боль и страх,
через слово «друг», через слово «враг»,
через слово «жизнь», через слово «смерть»,
через лай и визг и глагол «не сметь»,
пусть закон для всех, и диктует плеть,
и в зенит вдвоём не дано лететь.*

*Через тлен и прах, через боль и страх
я люблю тебя на семи ветрах,
и не видно слёз на моих глазах,
лишь огнём горит солнце в небесах.*

Данила Иванов

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДМИЛА ВЯЗМИТИНОВА. СТИХИ НА МАНЖЕТАХ.

Предисловие В. Месяца (3)

ДВА РУСЛА ОДНОЙ ЭНЕРГИИ.

Предисловие Е. Зейферт (5)

I

"Как Вам спалось..." (10)

"Гусеница..." (11)

"Снежных деревьев лица..." (12)

"А где твоя нежность?..." (13)

"Я в ночь от тебя сбежала..." (14)

"вот и нет у тебя жены..." (15)

СИНЕ-ЗЕЛЁНОЕ (16)

"глаза мутной лужей..." (18)

"Этим вечером душным ты роняла игрушки..." (19)

"вот и вся наша жизнь..." (20)

"Это все попущенье Божье..." (21)

II

"Забывают, что руки – крылья..." (24)

"То дождь..." (25)

"Я живу только летом..." (26)

Самый синий"..." (27)

"не оставить отметин..." (28)

"Я знаю..." (29)

"Просись ужиться в стае псов..." (30)

"Челюсти..." (31)

"Вот все твердят: всё бред, всё сон, всё майя..." (32)

"Мы все..." (34)

"Если тебя загнали в угол..." (35)

"монах-распутник..." (36)

III

"Я полечу над континентами..." (38)

"Плавают гуси да лебеди..." (39)

"Трудно верится, что не снится..." (40)

"КОЛОКОЛА в чертогах голубиных..." (41)

- "Разменяли на небо и землю..." (42)
"И даже некому оплакать павших..." (43)
"Когда меня распяли в первый раз..." (44)
"Чашечку чая..." (45)
"зона зноя плавилась острым..." (46)
"Я туда плыл-был, я сюда плыл-был..." (47)
"Сочтёмся в вечности. Сыграем в карты..." (48)
"Склоняюсь в благодарности судьбе..." (49)

IV

- "галактический код – колодец..." (52)
"Гремел огромный барабан..." (53)
"Мама не мыла раму..." (54)
"Небесный свод из камня..." (55)
"У деревьев – ветви..." (56)
"Разве что-нибудь было иначе..." (57)
МЕСЯЦЕСЛОВ (58)
"Я люблю тебя через тлен и прах..." (61)
"плечо в ночи..." (62)
"В Майами ничего не происходит..." (63)

СТИХИ НАГОГО "Я". Послесловие Д. Иванова (64)

Литературно-художественное издание

Вязмитинова Людмила

Месяцеслов

(книга стихов: избранное)

Дизайн обложки:
Александр Прокофьев

Подписано в печать 25.08.2017 г.
Гарнитура «VerDana»
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84/16.

Тираж 200 экз.

Издательство «Стеклограф», г. Москва

Отпечатано в «ИП Пряхин В.К.»,
300034, г.Тула, Гоголевская, 71

